

ОТЕЛИЛАСЬ КОРОВА

Запахавшись вошла – и с порога
с полушёпота в радостный крик:
– Слышь-ка, дед, отелилась корова!
Хватит дрыхнуть, хватай половик!

Дед, согнувшись, в руках – домотканый,
за старухою в сени шагнул.
Будто звякнул гранёным стаканом
станционный предутренний гул.

А корова устало дышала,
влажным паром дымилась бока.
И телёнка уже облизала,
и запомнила запах телка.

Он лежал на соломе, как в гнёздышке,
как желанного счастья весть.
А во лбу его – белая звёздочка,
и в серебряном инее шерсть.

Промычал он – и высь отворилась,
где колдуют над ходом времён.
В гороскопах звезда потеснилась,
помирится со Львом Скорпион...

В половик завернули телёнка,
в дом внесли, уложили за печь.
Рыжий кот, потянувшись, тихонько
вышел в сени – достаток беречь.

Дед, телку подстилая солому,
суеверно сказал невзначай:
– Ты сегодня, старуха, из дома
никому ничего не давай.

А она, суетясь, то и дело
теребила загревок телка...
«А старуха-то помолодела», –
дед подумал, воспрянув слегка.

* * *

Эта роща у края запруды,
эта в сумерках синих вода
в кровь войдут – и на миг позабуду,
для чего я, зачем и куда.
Но проступит полынь по откосам,
имя родины вспыхнет в крови.
Ночь простится и выплечет росы
в честь рождения новой любви.

ПИЛА

Сияют зубья от развода!
Как будто взлётные стоят
лицом к лицу солдаты взвода,
слегка откинувшись назад.

В них свет медальками сверкает,
и сталь, звенящая, как зной,
истонным стоном истекает
и остывает синевой.

Полно азартного томленья
в упругом теле полотна.
Дрожит, как девка в нетерпенье,
и в руки просится она.

И обессиленной приляжет
в сенях на полку, и вдогон
слегка протяжный и вальяжный
с пилы соскальзывает звон.

СЕНО

Пахучее, словно минута
пролилась в январь из июля.
Озвучено зноем и смутой,
как пчёлами вечером улей.

До стайки шагаешь тропкою –
и видится жаркое поле.
Как будто несёшь над собою
навивьник высокого полдня.

К охапке пахучего света
потянется робко телёнок.
А куры журчат, будто летом
в траве заблудились зелёной...

КУДЕСНИКОВ ГРИША

А на улице нашей дома – теремки:
мезонины, балконы, терраски!
Блещут солнцем на крышах резные коньки,
на наличниках – яркие краски!

В каждом доме достаток, уют, чистота.
И дворы в образцовом порядке.
В крепких прибранных стайках скотинка сыта.
И прополоты вовремя грядки.

А Кудесников Гриша в избушке живёт.
День-деньской крутит музыку Гриша.
Лебеда во дворе, в огороде осот,
трын-трава на душе и на крыше.

Ах, позорит всю улицу Гришин хором!
Ни стыда у владельца, ни страха.

Осуждают соседи, грозит исполком
покарать неразумного штрафом.

Ни семьи у него, ни забот, ни хлопот.
Заведёт радиолу, и важный
на пороге сидит, и про Мурку поёт,
и плюёт на зажиточных граждан.

И судьбою доволен... Беспечный чудак
всех бродячих собак приветчает.
Ловит рыбку в реке, кормит рыбкой собак.
И собаки его уважают.

Покосилась ограда, провис потолок,
бродит ветер по голой избёнке.
Под окошком у Гриши растёт тополёк,
как свеча перед тёмной иконкой...

ЛУКОМОРЬЕ МОЁ ДЕРЕВЯННОЕ

Наливался рассвет цветом маковым,
Шелестела листва с ветром ласковым.
Сочинял я стихи – муха плакала,
А петух сладко пел Колей Басковым.
Рифмовал я всё самое лучшее
С лучшим самым, что есть в нашей местности:
О холмах, земляничкой озвученных,
О селянах, живущих в неизвестности,
Как словил Коля Гвоздик из проруби
Полметровую щуку авоською,
Как слетались почтовые голуби
На забор мой, белённый известью.
Их отправил в журналы приличные
И в издания, до славы охочие.
«Ляпота!» – отвечали столичные,
«Пасторальность», – ответили прочие.
Я пошёл на огни фестивальные:
Может, примут меня там за равного?
Порезвились глаголы брутальные
И прикрыли ворота парадные.
Непричастен я к счастью желанному.
Поглумились они, подытожили,
Мол, слова у тебя деревянные,
На поэтов совсем не похожие.
Зря припёрся сюда с медным месяцем
Да с соломенным именем-отчеством.
В их стихи заглянул – околесица,
На поэтов взглянул – выпить хочется.
И побрёл я из Грязево в Князево,
В министерство с рекою в три берега.
Вон – Кирюшино, там – Берязево,
Здесь – Кудимово с Держи-деревом.
Тридцать три версты строк Коврижныха
Прочитали они с изумлением:
Лукомор ты наш, властью не стриженный,
Не по тренду твоё вдохновение.

Не по чину тебе наши почести!
Угостили меня карамелькою.
И поставили в длинную очередь –
Триста семьдесят пятым, за Мельниковым.
Наливался закат цветом маковым,
В палисады вплывал вечер ласковый.
Воротился домой – муха плакала,
А петух голосил Колей Басковым.
Не про нас, видно, книги великие.
И не стоит томиться бессонницей.
Ходит внучка меж грядок с клубникою,
Переполненная звоном солнечным.
Лето веяло зноем и благодатью,
К деревенскому счастью причастное.
Синевою отливает и радостью
Огородное небо бачатское.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Прояснились небесные глаза,
раскинулась дуга над водоёмом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
на пустыре воспрявшая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень,
и, затаив дыхание, природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

ЗНАМЕНИЕ

Бабка Лукониха видела бога.
Видела дважды: на зорьке и в полдень.
Бог продвигался вдоль Волчьего лога
Весь осиянный. И в белом исподнем.

С утра обошла всё село и селянам
Гуторила новость про чудо святое:
– Гляжу – он идёт. Нет, плывёт над поляной,
А над головою – кольцо золотое...

И, робко вздыхая, крестилась на гору.
Её утешали резонно старухи:
– Знать, сыну Валерке амнистия скоро.
Иль будет от дочки письмо из Мозжухи.

Наверно, ей это приснилось, поскольку
Старуха – одна, да и бог в её сказе
Был явно похожим на Климова Кольку,
Что уголь привёз ей бесплатно на МАЗе.

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В Министерство почётных наук,
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колёс,
Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит, будто ржавый засов,
Отстаёт от метро и ракет –
Длится день двадцать семь с половиной часов.
Ночь? Единого мнения нет.

Непонятого свойства часы и труды.
То ль нечуют кудесники тут?
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие – в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Беспольный айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолёт
И поэт евразийских кровей.

9 А за взгорком – простор!
Свет, как счастье, высок,

В синеве – соловейки полёт.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поёт!
Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец,
И взглянется в сияющий зной.
Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьёй.
В остальном как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колёс.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: «Рыбу принёс?»
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придёт в сапогах,
Постоит... И обратно уйдёт.

Там в народной глуши бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.
Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зелёном в ромашках лугу.
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...